

Валентина Поваляева

**Человек
в черном
котелке**

повесть

Валентина Викторовна Поваляева
Человек в черном
котелке. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42572413

ISBN 9785449677846

Аннотация

Последняя часть трилогии («Чужие окна», «Последняя фотография», «Человек в черном котелке»). Может ли маленькая девочка противостоять силам зла? Способен ли ребенок благодаря своему таланту и любви создать могущественное оружие против самой смерти?

Человек в черном котелке

Повесть

Валентина Викторовна
Поваляева

© Валентина Викторовна Поваляева, 2019

ISBN 978-5-4496-7784-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Бедная девочка, несчастное дитя, – тетина ладонь, такая мягкая и нежная, гладит Таню по голове.

Тане очень хочется спросить, почему это она несчастная, но молчит, попав в дремотную негу от ласки. В родительском доме она мало ее видела. Папенька постоянно находился в разъездах, а маменька никак не могла оправиться после неудачных родов – мальчик появился на свет мертвым, отняв все силы и счастье.

Ольга Николаевна все хворала, больше времени проводила в спальне с занавешенными портерами – дневной свет вызывал новый приступ мигрени.

Андрей Иванович о недуге супруги не знал. Вот уже три с половиной года он в составе исследовательской экспеди-

ции путешествовал по далеким холодным землям. Нянюшка объясняла Тане, что папенька уехал на край земли, и наивная девочка представляла себе картину: стоит он у обрыва, за которым бушует море; как бы не оступился, – боялась Танюша.

– Глупая, – говорила мать в редкие минуты, когда ее не терзали головные боли, обнимая дочь, – наш папа – великий ученый. Скоро он сделает открытие и станет знаменитым.

Таня удивлялась. К чему все эти открытия, если отца никогда нет дома?

– Подрастешь, все поймешь, – убеждала ее Ольга Николаевна.

Но вскоре начинался новый приступ мигрени, и мать снова запиралась в своей комнате.

– Поиграй! А может, хочешь оладушек с вареньем? – звала девочку няня.

Таня оладушек не хотела. Она уходила в детскую и доставала альбом и карандаши. Она рисовала отца, стоявшего на самом краю обрыва, а волны сильно бились о камни. Рисовала мать в бальном платье, хотя та уже давно не выходила в свет. И нянюшку с блюдом, полным пышных оладий... Но чаще всего Таня рисовала худую женщину в черном глухом платье, с высокой прической и маленькой шляпкой с густой вуалью. Такой густой, что лица не разглядеть. Кто эта дама, девочка не знала. Однажды Таня увидела ее

во сне, услышала ее странный, низкий голос... и проснулась. И показалось Тане, что эта самая женщина из сна наклонилась над ее кроватью. Таня закричала. Сбежались домашние. Вздрагивающая от ужаса девочка рассказала о ночной гостье, но никто не поверил.

– Кошмар привиделся, – поморщилась няня и напоила Таню травяным отваром.

Няня много чего переняла от своей матери, которая была знахаркой. Слуг она постоянно лечила от простуды или «живота», могла снять зубную боль, облегчить роды... Даже Ольга Николаевна пользовалась нянюшкиными снадобьями, когда дорогие заморские микстуры, купленные по рецепту доктора, перестали действовать. А от травяных отваров мигрень отступала хоть ненадолго.

Таня покорно пила горький напиток, остро пахнущий полынью, и думала: нет, ей не привиделась женщина в черном платье. Она точно была! Но кто бы ей поверил? Мать и так с укором говорила иногда, что у Тани чрезмерно бурная фантазия, которую девочке из приличной семьи иметь не положено. И Таня молчала. Она скрыла, что ночная гостья стала часто появляться в их доме. Стоило старым часам в столовой пробить двенадцать раз, как в коридоре из неоткуда вырос тал черный силуэт. Однажды Таня проснулась и услышала тихие шаги. Она выбралась из постели и тихонько прокрадлась в коридор. В неясном свете луны девочка снова увидела женщину в черном. Та неторопливо шла, нет, скользила

по полу, шелестя длинным подолом. Таня, сама не зная почему, последовала за ней, дрожа от страха и прижимая к груди внезапно вспотевшие ладони. Женщина свернула в сторону, где находились комнаты прислуги. Но вдруг остановилась, обернулась и посмотрела на Таню. Девочка в ужасе замерла. Ночная незнакомка словно кивнула – шляпка с густой вуалью чуть-чуть качнулась – и погрозила Тане указательным пальцем. Таня бросилась в свою комнату, спряталась под одеяло и долго не могла унять дрожь, пронизывающую все тело.

– Это сон, – начала она уговаривать себя, вспомнив слова нянюшки. – Всего лишь глупый сон!

Утром Таня нечаянно подслушала разговор няни с мамой.

– Подумать только! Такая молодая, здоровая... Умерла! – голос матери был грустным и удивленным. – Отчего?

– Доктор подозревает, что у Марфы сердце слабое было, – отвечала няня, по обыкновению заваривая отвар из трав для хозяйки. – И ведь никто не знал об этом! Похоже, что и Марфа сама не знала.

– Жаль, – матушка поморщилась и потеряла виски. – Придется искать новую служанку.

Таня подумала, что визит ночной дамы как-то связан со смертью Марфы. Девушка никогда не жаловалась на болезни, была веселой, румяной, любила громко смеяться и так же громко петь песни. Даже не верилось, что ее уже нет. А вдруг Черная женщина заберет и ее, Таню? Ведь ви-

дела же она девочку, погрозила пальцем!

Дни становились все тягостнее. Маменька с постели уже не вставала, не помогали ни заморские лекарства, ни нянюшкины отвары. Женщина все больше времени проводила в забытии, и уже не узнавала Таню, если девочка заходила к матери в спальню.

– Маменька умирает? – спросила как-то Таня у няни.

– Ты уже большая девочка, тебе восемь, должна все сама понимать, – уклончиво ответила нянюшка и предложила своей воспитаннице погулять в саду.

Таня удивилась. Раньше ей никогда не позволяли одной выходить из дома. Но послушно надела пальто и полчаса бродила по садовым дорожкам между голых осенних кустов, вздрагивая от порывов сырого ветра.

Таня подняла голову: где-то высоко, в пронзительной синеве – разве может быть осенью такое небо?! – кричала неведомая ей птица. Так больно, так жалостливо, что хотелось или бежать куда-то, чтобы помочь страдающему существу, или просто заплакать от собственного бессилия и отчаяния. Откуда-то, прямо под ноги, упало большое иссиня-черное перо. Девочка подняла его. Красивое перо. Жаль выбрасывать, оно еще пригодится. К примеру, можно украсить красивым плюмажем куклу Светлану. Таня поспеши-

ла в дом, давно пропахший лекарствами и чем-то липким, приторным, вызывающим дурноту, спрятав драгоценное перо на груди.

Вечером девочка, принявшись мастерить для куклы праздничный наряд, спохватилась – нет серебряных ниток. А так хотелось пришить красивое перо к шляпке. И она отправилась к няне. Подходя к няниной каморке, Таня услышала странное бормотание и отдельные отчетливые слова: «Забери, унеси, избави...».

Замерев у двери нянюшкиной комнаты, Таня в щелочку с изумлением наблюдала, как няня, стоя на коленях возле комода, молится на странную икону в потемневшей деревянной раме. Странную потому, что Таня узнала лик на изображении: то был портрет Черной дамы, напугавшей ее однажды ночью. И – надо же! – сквозь искусно нарисованную вуаль просвечивали два фиолетовых огонька, словно глаза Черной дамы прожигали насквозь тонкое кружево.

– Избавь, забери, – гнусаво распевала нянюшка, не замечая ничего вокруг.

– Что мне за это будет? – Таня вдруг услышала равнодушный незнакомый женский голос.

Девочка могла поклясться: в комнате, кроме няни, никого не было!

– Зачем мне измученная горем и страданиями жертва? Для нее смерть – избавление. Никакой радости, никакой жизненной силы я не получу, – продолжал голос. – Она и так

через годы сама уйдет из мира...

– Через годы! – ахнула нянюшка. – За что же такие муки! Ведь ты же знаешь – каждый день похож на ад.

– Ты ада не видела, – Тане почудилась усмешка в голосе невидимой собеседницы.

– Но я... заплачу! Только избавь! – нянюшка почти рыдала, спрятав лицо в ладонях. – Ведь ты уже получила от меня подарок. Работница, Марфа...

– О да, этот дар я приняла охотно, – голос промурлыкал удовлетворенно. – Молодая, здоровая, цветущая... Ее песни хороши...

Нянюшка отняла ладони от лица, словно замороженная устала на портрет.

– Но этого мало! Для заключения сделки нужна родная кровь, – голос, казалось, заполнил всю комнатенку, звучал из каждой стены, каждой доски. – Родная кровь унесет страдания твоей госпожи.

– Так возьми же Андрея Ивановича! – вскрикнула няня. – Супруг Ольги Николаевны вечно странствует, его и так все забыли. Возвращения его никто уже и не ждет...

– Хитришь, Варвара. Или забыла, с кем разговариваешь? – рассердилась невидимая гостья. – Ведь это я наградила даром целительства твою бабушку, она передала по наследству секрет своей дочери, твоей матери. А потом и ты получила силу исцелять от недугов. Кого ты хочешь обмануть?!

– Прости... Поверь, я тебя почитаю, моя госпожа...

Но Андрей Иванович...

– Не вернется он. Уже два месяца как на дне озера в забытом студеном крае.

– Ужас какой! – нянюшка снова закрыла лицо руками.

– Да и не годится эта жертва, – продолжил голос. – Во-первых, не единокровный родственник. А во-вторых, мне не нужен разочаровавшийся самоубийца. Хочу молодой, сладкой крови от невинного существа. Вы, люди, стали неблагодарны. Помню, раньше мне поклонялись и с радостью приносили человеческие жертвы, чтобы спасти от болезней и проклятия своих братьев. А если собирались на битву, то просили у меня прислать на подмогу духов своих умерших воинов, чтобы войско стало сильнее. И я помогала. Ваши предки почтительно принимали мое решение по отношению к их жизни. А теперь... Теперь иные времена. Жертвенники засыпаны камнями, а вы, жалкие людишки, сжигаете на масленицу соломенное чучело, которое символизирует меня саму! Вы оскорбили дочь Сварога и Лады, первых детей Великого Рода! Они дали рождение вашему миру, наплатили его красотой, любовью, плодородием! А я – часть великого процесса, ведь без смерти не бывает новых рождений. Разве вы это не понимаете?! Но нет! Вы, люди, стали слишком гордыми, слишком себялюбивыми, вы считаете себя равными богам! Я отомщу... Теперь я требую особую плату.

Таня переступила с ноги на ногу, половицы скрипнули. Няня обернулась на звук, кинулась к двери и замкнула ее

на запор.

«А нитки», – хотела сказать девочка. А еще ей очень хотелось спросить у нянюшки, когда она овладела чревовещанием? Вот здорово, такую интересную сказку придумала. Только страшную. И что-то про папеньку сказала. Или почудилось? Недаром слуги меж собой шепчут, что Таня-то странная. «Ну и пусть! Но где же нитки взять? Может, у маменьки в шкатулке?»

Без спросу Таня никогда не подходила к туалетному столику матери, но та, верно, спит, а кукла Светлана обидится, если останется без новой шляпки. И девочка решительно двинулась в сторону материнной спальни. Шагнула за порог и оробела. Темные портьеры не давали пробиться в комнату даже самому крохотному лучику света, и в полумраке лицо маменьки казалось неживым. Таня, шагок за шагом, медленно подошла к туалетному столику, где стояла вожаделенная шкатулка. Открыла ее, стала нашаривать катушку ниток и вдруг уколола палец о застежку броши. Вскрикнула больше от неожиданности, нежели боли, отпрянула и ногой зацепила стульчик на гнутых ножках. Тот упал на бок, задев цветочный горшок. На звон и грохот сбежались домашние. Первой была нянюшка, которая, увидев Таню с окровавленным пальцем, схватила себя за шею, словно ей стало трудно дышать, и слезы покатались по нянюшкиным щекам.

– Контракт подписан, – пробормотала няня Варвара непонятные слова.

– Я нечаянно, – сказала Таня, потупившись. – Я хотела только нитки взять.

Ольга Николаевна, меж тем, никак не отреагировала на крики и шум в своей спальне. Женщина лежала в забытьи, и губы в горячке шептали:

– Андрей, Андрей, что же ты ушел без меня? Подожди, я – за тобой...

За день до маменькиной смерти приехала ее сестра, Людмила, молодая рыжеволосая красивая женщина в нелепо ярком платье, а шею, запястья и пальцы тети унизывали переливающиеся украшения, словно та собиралась на бал, а не к постели умирающей. Громогласно прикрикнув на слуг, Людмила Николаевна широким шагом пронеслась в спальню хозяйки, и ее широкие юбки заходили волнами вокруг быстрых неутомимых ног. Таня, словно тень, последовав за безумно интересной гостьей, которую она раньше никогда не видела, с наивной радостью наблюдала, как та, решительно раздвинув портьеры, присела у маменькиной постели на стульчик и ласково поцеловала больную в лоб.

– Ну здравствуй, душа моя, – звонким голосом проговорила Людмила Николаевна. – Что это ты, хворать вздумала? Не годится!

Маменька с трудом открыла глаза, поморщилась от света

и, прерывисто дыша, сказала:

– Ты... приехала... Ты... простила...

– Какие тут могут быть обиды? – воскликнула сестра, сдерживая рыдания. – Забудь все! Глупости это, суета! Главное, поправляйся!

– Нет, жду смерти как спасения, – прошелестела маменька в ответ. – Прошу тебя, позаботься о Тане. Она тебе не чужая...

– О чем ты говоришь! – Людмила Николаевна нежно погладила умирающую по щеке. – Ты выздоровеешь, а вернется Андрей Иванович, вот радость-то будет!

– Он не вернется. Я знаю. Сон видела, – тяжело вздохнула маменька. – Во сне ночью приходила ко мне черноволосая женщина в красивом бархатном платье, усыпанном драгоценными камнями. Незнакомая, но вроде знаю ее хорошо. Она и поведала, что Андрей... утонул. Мила! Не о том речь. Молю: не оставь дочь.

Таня робко потрогала маменькину руку. Она была горячей и влажной, словно маменька только пришла из бани.

– Таня, – позвала Ольга Николаевна, – слушайся тетю. Она теперь твоя семья.

Тетушка начала что-то громко говорить, обещая закатить настоящий пир к выздоровлению маменьки, но Таня в этот миг отчетливо поняла: мать больше никогда не встанет с постели. Она испугалась, заплакала и убежала в свою комнату, откуда не выходила до самого вечера.

Нянюшка принесла ей поднос, на котором стояло блюдо с пирожками и кружка с молоком.

– Поешь, милая, – кротко сказала Варвара, вытирая платком глаза.

Таня спряталась под одеяло. Ей почему-то было неудобно рядом с нянюшкой.

– Поешь, – повторила няня и вышла, притворив за собой дверь.

Не притронувшись к еде, Таня села на подоконник и смотрела, как во двор вползают сумерки. Вдруг почудилось, что по дорожке идет черная фигура. Таня заморгала, прильнула к стеклу. Так и есть. Высокая женщина в черном бархатном платье, расшитом драгоценными камнями, не спеша приближалась к дому. Когда она подошла поближе, девочка рассмотрела, что лицо у дамы бледное, а черные волосы свободно струятся по плечам. И еще показалось странным: на улице осень, а дама без пальто и плаща... Женщина подняла голову, заметила следившего за ней ребенка и прижала палец к губам.

Таня отпрянула: она узнала Ее! Это она, Черная дама, которую девочка встретила ночью! Вот так же она попросила Таню молчать о своем визите. Только сейчас она была без шляпки и вуали.

«Будет горе», – подумала Таня, содрогаясь.

В окно со всей силы ударилась ночная птица, вскрикнув предсмертно. Таня в ужасе прыгнула с подоконника и дер-

нула портьеру, заслоняя окно.

«Горе, идет горе», – застучало в висках.

Девочка долго не могла уснуть, все ворочалась, а стоило сомкнуть веки, казалось, что Черная дама заходит к ней в комнату. Заснула Таня только на рассвете. А утром в Танину комнату вошла тетя Людмила Николаевна и, смахивая слезы, сообщила о маменькиной смерти. Тетушка присела на кровать племянницы и, положив на голову девочки душистую нежную ладонь, прошептала с состраданием:

– Бедное, несчастное дитя...

Маменькины похороны Таня запомнила смутно. Утром у нее сильно разболелась голова, и каждый спазм боли вызывал рвоту. Тетушка забеспокоилась, девочку уложили на кровать, лоб накрыли влажным полотенцем, а портьеры задвинули, потому что солнечный свет больно бил в глаза и провоцировал новые приступы.

На кладбище Таню все-таки взяли. Она, бледная от страданий, еле стояла, держась за нянину руку, и думала, что если маменьке было так же плохо, как ей сейчас, то смерть – лучшее избавление от мук. «Маменька теперь счастлива!» – ужасающая догадка пронзила сознание, и девочка в страхе оглянулась – не подслушал ли кто ее мыслей. Но нет. Скорбные лица. Глаза с состраданием смотрят на сироту. Таня опу-

стила голову. Наконец, по подсказке нянюшки, она подошла к могиле, куда опустили гроб, бросила горсть земли...

Больше ничего не помнила и не осознавала.

Таня очнулась уже дома, в своей комнате, с холодным влажным полотенцем на лбу. Няня Варвара сидела рядом с кроватью на маленьком стульчике и вязала, тихо мурлыча под нос песенку.

– Я заболела? – спросила девочка.

– Это просто нервное, – сказала нянюшка. – Мы все жалеем Ольгу Николаевну. Время лечит.

Она протянула воспитаннице кружку с травяным отваром.

– Выпей, полегчает.

Но Таня отрицательно покачала головой.

– Нет. Не хочу. Дай лучше карандаши и альбом.

Нянюшка беспрекословно принесла набор, который для племянницы привезла тетя Людмила Николаевна, и раздвинула портьеры.

Таня поморщилась – свет рождал головную боль. И все же раскрыла альбом и взяла черный карандаш.

– Что ты хочешь нарисовать? – полюбопытствовала нянюшка.

– Ночную даму. Я видела ее, это не кошмар. Я знаю, она существует.

Варвара вздрогнула, но взяв себя в руки, даже попыталась улыбнуться и вышла из детской. Когда через час она верну-

лась, Таня крепко спала. На кровати лежал раскрытый альбом. Няня взглянула на рисунок и побелела как молоко. Девочке удалось запечатлеть портрет тайной госпожи Варвары – Мораны, богини смерти, которой много лет назад она принесла обет и служила до сих пор. Те же смоляные густые волосы, спадающие на точеные плечи, то же черное платье, расшитое драгоценными камнями, те же кисти с длинными перстами... Лицо скрывает нарисованная вуаль, видны только губы, к которым Морана приложила указательный палец, словно советуя держать свое существование в секрете.

– Откуда? Откуда бедное дитя знает, как выглядит Морана?! Мне самой она явилась в таком образе только однажды, когда брала на службу, – в ужасе прошептала Варвара. – Откуда?!

Девочка зашевелилась во сне, и няня, боясь ее разбудить, тихонько поправила одеяло и вышла, оставив альбом на кровати. Она боялась к нему прикоснуться!

Утром Таня осознала: когда она рисует, боль проходит, волнами откатывается до следующего раза.

– Мне нужны еще карандаши, – сказала она тете за завтраком. – Черные. Много.

Людмила Николаевна немедленно послала мальчика в лавку. Она была готова исполнить любое желание Тани.

– А ты покажешь мне свои рисунки? – спросила она племянницу.

– Да, но позже, – отвечала сирота.

– Ты знаешь, – сказала тетя, – у меня есть друг, художник. Если хочешь, он придет и даст тебе несколько советов.

– Это замечательно, – согласилась Таня. – Мне будет приятно. А сейчас можно я пойду в сад?

Среди голых кустов боярышника, на дорожке из серого булыжника, вдоль которой то там, то тут виднелись пятна пожухлой травы, Таня почувствовала себя совсем одинокой. Что тетя! Что бы ни говорила маменька, но Людмила Николаевна никогда не приезжала к ним в гости раньше, никогда не бывала на именинных обедах, а первый подарок от любящей тетушки Таня получила только в день материных похорон. Странно, право, надеяться, что этот чужой человек будет любить и баловать сироту как родную дочь.

– Я так одинока, – сказала девочка маленькой птичке, спустившейся на ветку боярышника. – Я никому не нужна.

Порыв ветра заставил девочку зажмуриться, а когда она открыла глаза, по дорожке к ней шла высокая женщина в черном плаще с пуховой оторочкой. На голове незнакомки была маленькая шляпка с густой вуалью. В руке дама держала большое черное перо и небрежно, словно играючи, им помахивала.

– Здравствуй, дитя, – сказала дама, приблизившись.

Таня смотрела на нее с молчаливым ужасом. Очень дама

была похожа на кошмар, преследовавший ее на протяжении уже нескольких недель.

– Ты боишься? – словно удивилась женщина. – Меня не надо бояться, а только воспринимать как данность.

– Кто вы? – сипло спросила девочка, чувствуя, как от страха сводит скулы.

– Милое дитя! Ты столько раз слышала обо мне и восхищалась моей красотой, мудростью и смелостью. Твоя няня рассказывала обо мне на ночь сказки, и ты мечтала встретиться со мной...

– Нет. Няня рассказывала о Василисе Премудрой и Василисе Прекрасной...

Дама в черном плаще весело рассмеялась:

– Так это я и есть! Не веришь? По секрету тебе скажу, замуж за Кощея я вышла по собственной воле, поскольку он могущественен и богат, а я люблю власть. Что до всяких там Иванов-царевичей, спасающих меня из Кощеева царства, – это уже народная выдумка.

Таня во все глаза рассматривала странную гостью. Сумасшедшая? Или у Тани просто снова начались видения от постоянной головной боли?

– Не бойся, – снова сказала женщина, откидывая вуаль.

У нее было странное лицо. Вроде бы и глаза, и нос, и рот на месте, все, как у людей, но когда девочка попыталась рассмотреть незнакомку, перед той словно встала туманная пелена, и черты лица сделались нечеткими, еле видимыми,

словно кто-то писал портрет карандашом, да потом стер почти все нарисованное.

– Мне нравится, как ты рисуешь, – наклонившись к девочке, прошептала таинственная дама. – Хочешь секрет? Лекарство от твоего недуга – в твоём таланте. Нарисуй мой портрет, но без вуали, и я отблагодарю тебя, ты сможешь управлять людскими судьбами, я сделаю тебя марой. Ты не знаешь, кто это? О, это чудовищно сильные создания, одного их взгляда достаточно, чтобы человек расстался с душой... Хочешь могущества, дитя? Поверь, тогда ты не будешь одинока. Все глупые страдания забудутся, не будет боли, горя. Ты отдашь мне свой талант, и я награжу тебя силой, о которой жалкие обманщики, называющие себя колдунами, могут только мечтать! Подумай об этом, дитя!

Туман перед лицом дамы развеялся, и Таня с ужасом увидела, что у дамы наружность умершей Марфы. Веселой, румяной. Девочка отшатнулась. Гостья рассмеялась, махнула черным пером, и теперь на Таню смотрела ее собственная мать: потухшие от болезни глаза, острые скулы, сухие безжизненные губы – такой она была в последние перед смертью дни. Таня вскрикнула, бросилась бежать от жуткого видения, а ей в спину бил холодный хохот Черной дамы:

– Нарисуй! Нарисуй мой портрет...

К вечеру головная боль сковала железным обручем, который давил на виски так, что на глазах появлялись слезы. Нянюшка напоила Таню отваром и велела лежать, а сама ушла выполнять указания новой хозяйки. Людмила Николаевна велела Варваре разобрать платья умершей сестры.

Таня не захотела оставаться одна в детской и спустилась в кухню. Здесь жарко пылал в печи огонь, вкусно пахло, а кухарка Авдотья знала немало интересных сказок. Но Авдотье было сейчас не до сироты: Людмила Николаевна пожелала завтра принимать гостей.

Таня присела на лавке у печи и стала смотреть на пламя. Глаза слипались, девочка легла, положив под ноющую голову руку. Авдотья накрыла ее своим шерстяным платком.

Таня проснулась, когда за окном стояла темень, а кухарка со служанкой Верой, взятой вместо Марфы, пили за рабочим столом чай и болтали.

– Ой, не знаю, как теперь будет, – причитала кухарка вполголоса. – При Ольге-то Николаевне покойнице в доме тишина стояла, она предпочитала уединенное житье, а ее сестрица другого сорта ягода. Ей бы балы да кавалеры, да обеды и ужины...

– А правда, говорят, что Людмила Николаевна и Ольга Николаевна в ссоре были? – спросила Вера.

Авдотья воровато оглянулась на неплотно прикрытую дверь кухни, потом глянула в сторону Тани – та тут же сомкнула веки – и только потом, уверившись, что девочка

спит, проговорила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.